

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-60-68>

**«Я – русский солдат»: лингвостилистический анализ
романа Б. Л. Васильева «В списках не значился»
(к 100-летию со дня рождения)**

Елена Александровна Фролова

ООО «Наш язык», г. Москва, Россия, frojlenn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Аннотация. В статье на основе лингвостилистического анализа рассмотрен путь становления русского солдата, защитника Родины в романе Б. Л. Васильева «В списках не значился». Актуальность выбранной темы обусловлена недостаточной изученностью лингвистических средств, их специфики в художественном творчестве писателя. Цель – выявить языковые средства разных уровней, с помощью которых автор изображает формирование личности бойца Красной армии, с первого дня войны оказавшегося на передовой. В статье используются контекстуальный и структурно-семантический анализ лексических единиц, на основе которых устанавливаются средства трансформации значений лексем, что оказывается важным для создания образа главного героя произведения. Система номинаций персонажа, их сопоставительный анализ и количественный подсчет позволяют сделать вывод о приемах, раскрывающих этапы формирования образа русского солдата. Автор статьи приходит к выводу, что следующие средства языковой выразительности помогают охарактеризовать процесс становления личности главного героя романа: повтор на разных уровнях языка (ситуативный, фразовый, лексический, морфемный); трансформация семантики лексических единиц под влиянием контекста; система номинаций главного героя произведения, частотность употребления наименований персонажа; детали, отражающие происходящие в сознании героя перемены; оппозиции, выполняющие структурно-характерологическую функцию в раскрытии образа Николая Плужникова.

Ключевые слова: Борис Львович Васильев, военная проза, «В списках не значился», Николай Плужников, разноуровневый повтор, семантическая трансформация, система номинаций, ключевая позиция, оппозиция, хронотоп, деталь

Для цитирования: Фролова Е. А. «Я – русский солдат»: лингвостилистический анализ романа Б. Л. Васильева «В списках не значился» (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 60–68. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-60-68>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

**"I am a Russian soldier": linguistic and stylistic analysis
of B. L. Vasilyev's novel "His Name Was Not Listed"
(to the 100th anniversary of the birth)**

Elena A. Frolova

Limited Liability Company "Our Language", Moscow, Russia, frojlenn@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Abstract. Based on linguo-stylistic analysis, the article examines the evolution of the Russian soldier and the defender of the Motherland in the novel by B. L. Vasilyev "His Name Was Not Listed". The chosen subject is relevant due to the insufficient study of linguistic means and their specific features in the writer's artistic work. The article aims to identify linguistic means of different levels with the help of which the author depicts the personality formation of a Red Army soldier who found himself on the front line from the first day of the war. The article uses contextual and structural semantic analysis of lexical units. On this basis, the means of transforming lexeme meanings are identified, which proves to be important for creating the protagonist's image in the work. The system of character names, their comparative analysis, and quantitative estimation make it possible to draw a conclusion about the devices that reveal the formation stages of the Russian soldier's image. The paper concludes that the following expressive linguistic means help to characterise the main character's personality formation process: repetition at different language levels (situational, phrasal, lexical, morphemic); contextual transformation of the semantics of lexical units; the system of names for the main character of the novel, the frequency of character names; details reflecting the changes occurring in the protagonist's mind; oppositions that perform a structural and characterological function in revealing the image of Nikolai Pluzhnikov.

Keywords: Boris Lvovich Vasilyev, military prose, "His Name Was Not Listed", Nikolai Pluzhnikov, multilevel repetition, semantic transformation, naming system, key position, opposition, chronotope, detail

For citation: Frolova E. A. "I am a Russian soldier": linguistic and stylistic analysis of B. L. Vasilyev's novel "His Name Was Not Listed" (to the 100th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(2):60–68. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-60-68>.

Введение. Литературе о Великой Отечественной войне посвящено немало научных исследований, связанных с особенностями раскрытия патриотической темы в художественных произведениях, с характеристиками образной системы, анализом нравственной проблематики. Ф. Ф. Кузнецов отмечает среди специфических черт прозы о войне многовариантность ситуаций, многопричинность конфликтов и многомерность в изображении людей и явлений [Кузнецов 1984]. Традиционно в литературе о войне выделяют четыре периода: произведения, созданные в годы Великой Отечественной (М. А. Шолохов, А. П. Платонов, К. М. Симонов, А. Т. Твардовский и др. — занимались литературным ремеслом в годы войны); «лейтенантскую прозу» (К. Воробьев, В. Курочкин, Г. Бакланов, Ю. Бондарев, В. Быков — начали писать о войне после ее окончания); литературу шестидесятников (В. Астафьев, Б. Васильев, В. Кондратьев, Е. Носов — писатели-фронтовики, поднимавшие философские проблемы с позиции «маленького человека»); литературу «невоевавшего поколения» (В. Распутин, В. Ухов, Б. Екимов — писатели, родственники которых погибли на войне).

В данной статье мы остановимся на широко известном романе одного из представителей третьего периода военной прозы Бориса Львовича Васильева (1924–2013) «В списках не значился» (1974).

Военная проза Б. Л. Васильева изучена в основном с литературоведческих позиций (см. статьи и монографии А. Бочарова, Г. Бровмана, Л. Ивановой, Ф. Кузнецова, В. Карньюшина, В. Чалмаева, А. Дементьева, И. Л. Полотовской, В. Юдина и др.)¹, причем, как правило, в работах затрагиваются отдельные аспекты творчества писателя.

¹ См.: Бочаров А. Г. Литература и время: из творческого опыта прозы 60-х — 80-х гг. М.: Художественная литература, 1988. 383 с.; Бровман Г. Бой Николая Плужникова (О романе Бориса Васильева «В списках не значился...») // Литература великого подвига: Великая

Детально произведения о войне Б. Васильева (повести «А зори здесь тихие», «Встречный бой» и роман «В списках не значился») рассмотрены в диссертационном исследовании З. Е. Гуральник «Поэтика военной прозы Васильева в историко-литературном контексте 60–70-х гг.» (1990)². Автор пишет: «...специфика героики, подчеркнутая правдивость и четкость в изображении трудностей войны, экстремальность военной ситуации, сопоставление мира и войны, философия подвига... все это определяет своеобразие мира личности Васильева»³.

Цель данной статьи — на основе лингвостилистического анализа текста романа «В списках не значился» проследить путь становления главного героя произведения — Николая Плужникова, выявить языковые средства разных уровней, с помощью которых писатель изображает формирование личности бойца Красной армии, с первого дня войны оказавшегося на передовой.

В статье используются следующие **методы**: контекстуальный и структурно-семантический анализ лексических единиц, с помощью которых устанавливаются средства трансформации значений лексем, что оказывается важным для характеристики

Отечественная война в советской литературе: сб. статей. М.: Художественная литература, 1980. С. 303–308; Иванова Л. В. Современная советская проза о Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1979. 200 с.; Дементьев А. Г. Военная проза Бориса Васильева // Статьи о советской литературе. М.: Художественная литература, 1983. С. 394–413; Полотовская И. Л. В списках значится: Васильев Б. Л. (Жизнеописание. Библиография. Сценография) // Библиография. 2005. № 2. С. 75–88; Юдин В. Если в разведку — то с ним!: о творческом пути писателя Бориса Васильева // Подъем. 1985. № 1. С. 122–125.

² Гуральник З. Е. Поэтика военной прозы Б. Васильева в историко-литературном контексте 60 — 70-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 185 с.

³ Там же. С. 12.

главного героя произведения; система номинаций, их сопоставительный анализ и количественный подсчет, позволяющие сделать вывод о приемах, раскрывающих этапы формирования образа русского солдата.

Анализ. Военная проза Бориса Васильева — преемница лучших традиций «лейтенантской прозы», которая, по мнению В. А. Чалмаева, взорвала «все идиллии и миражи», — прозы «предельных ситуаций, испытывающих нравственные устои человека» [Чалмаев 1998: 39].

Как и у других писателей-фронтовиков, отличительными особенностями произведений Б. Васильева стало соединение/переплетение двух тем — темы войны и нравственных исканий человека. В борьбе за жизнь и душу героя важную роль играют *Долг, Совесть и Любовь*. Большинство «военных» произведений изображает суровые будни, в которых приходится выживать героям. Они оказываются в самых драматичных ситуациях, «когда от отчаяния спасала только вера в себя и свой народ, в страну, ее силу, которая пробуждается не вдруг и не по каждому поводу» [Ланщиков 1985: 68].

Б. Л. Васильев оказался на фронте в самом начале войны — 8 июля 1941 г. Он был свидетелем первых горьких разочарований, связанных с отступлениями и поражениями советских войск. Отсюда, как пишет В. А. Карньюшин, «и особые трагико-драматические нотки в его прозе. Война начала — время, когда романтический глянец выветривался в считанные дни. Однако Васильев не растерял его, и первые минуты горьких разочарований приобрели оттенок сентиментальности» [Карньюшин 2014: 32].

Роман «В списках не значился» впервые был опубликован в 1974 г. в журнале «Юность». Работая над текстом произведения, «автор, проверяя достоверность каждой описываемой им детали, специально ездил в Брест и собственноручно (здесь следовало бы сказать — собственноручно) замерял в крепости все расстояния, проверял, за сколько секунд-минут можно было добраться от одного пункта обороны к другому — бегом, шагом, ползком и т. д.» [Нуйкин, Электронный ресурс].

По мнению В. А. Карньюшина, одна из особенностей прозы Б. Васильева — лирический трагизм, связанный «с „мальчишеским началом“ главных героев, которые

напоены героическим романтизмом поколения отцов. В них общее озорное, неумирающе-игровое начало, находящее выход в отторжении от себя царящей вокруг стихии смерти, нежелание осознавать ее власть над собой» [Карньюшин 2014: 31]. Не случайно Николай Плужников в первой части романа не может принять смерть как факт, как одну из форм человеческого бытия/небытия. Так, приехав домой и не встретив привычно (всегда!) сидевшую на солнечной стороне двора Матвеевну, недавний выпускник военного училища неприятно удивлен. Слова матери о ее смерти непонятны Коле Плужникову, потому что он *счастливый* и может еще не думать об этом⁴.

Мальчишеская наивность героя проявляется в первой части романа в разных деталях. Например, писатель обыгрывает семантику глагола *хрустеть* и его производных при описании нового обмундирования выпускников училища:

Почему-то именно в ночь после банкета лейтенант Плужников обнаружил, что он *хрустит*. *Хрустит* приятно, громко и мужественно. *Хрустит* свежей кожей портупей, необмываемым обмундированием, сияющими сапогами. *Хрустит* весь, как новенький рубль, которого за эту особенность мальчишки тех лет запросто называли «хрустом» (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Е. Ф.).

Пятикратный повтор однокоренных лексем в одном абзаце, включая анафорическое построение предложений, акцентирует внимание читателя на семантических трансформациях морфемы *-хруст-*. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова⁵ дано следующее толкование глагольной лексемы:

ХРУСТЕ'ТЬ, *у́*, *усти́шь*, *несов.* (*к* *прохрустеть*). Издавать хруст. *В конюшне переступали лошади, сочно хрустели травой*. Фадеев. *Снег хрустит под ногами. Печенье хрустит на зубах*.

⁴ Здесь и далее текст романа цит. по: *Васильев Б. В списках не значился: роман*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 288 с.

⁵ Словари, энциклопедии: Толковый словарь русского языка в 4 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/22/us4b9406.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 05.11.2023).

Прямое значение глагола первоначально расширяется за счет переноса на новый субъект/объект действия — рубль, а затем трансформируется из физической сферы в нравственную, выступая средством характеристики персонажа:

— Уж больно вы *хрустите*, товарищ лейтенант.

На училищном языке это означало, что лейтенант Плужников *задается*.

Далее омонимичные значения глагола интенсируются в самооценке персонажа:

— Я *хрушу*, — не без гордости сообщил он [Плужников] своему другу и соседу по койке.

Юношеский восторг от собственной значимости порой не позволяет герою реально оценить ситуацию и принять правильное решение. Наивная вера молодого лейтенанта Плужникова в невозможность близкой войны, нашедшая выражение в неоднократно повторяющейся в первой части романа фразе *у нас с Германией договор/пакт/мир о ненападении*, звучит как горькая ирония автора. Писатель постепенно вводит в текст произведения все новые и новые факты, свидетельствующие о неизбежном приближении войны, одновременно показывая изменения в реактивном поведении героя. Так, отвечая на вопросы Вали, Коля Плужников приводит множество доводов в защиту своей позиции, доказывая мысль о несокрушимости Красной армии. На вопрос пожилого капитана о поездках с хлебом, идущих в Германию, Николай не находит ответа (*Не знаю...*), герой *растерялся*. А при виде живого немца, развалившегося на стуле в ресторане, в сознании Коли Плужникова (возможно, впервые в жизни!) возникает вопрос: *почему на лице представителя угнетенного человечества не читалось ничего, кроме тупого самодовольства?* Зерна сомнения в истинности идеологических установок посеяны. Однако на фоне безапелляционной веры героя в неопровержимость официальных заявлений естественное, казалось бы, непонимание Колей Плужниковым разговора евреев за соседним столиком на незнакомом языке становится еще одним звеном в характеристике его наивного восприятия сложившейся в стране ситуации.

«Одурманенный» верой в мощь и силу советских войск, герой не хочет замечать (*не видит!*) конкретных реалий настоящего: *летчикам отпуска отменили, каждую ночь за Бугом моторы ревут...* Фраза *Что-то зреет* приобретает в контексте произведения переносный смысл, одновременно характеризую надвигающуюся опасность и свидетельствуя о зарождении нового видения, понимания реальности молодым лейтенантом Николаем Плужниковым.

Однако неопределенное местоимение *что-то* приходит в противоречие со значением выражения, и вопрос, который задают герои романа, остается без ответа.

Только в ночном «опасном» разговоре-споре с Миррой Николай Плужников впервые получает аргументированный ответ своим убеждениям. Незаметная повадка-хромоножка не переводит, как Валя, разговор на другую тему и не соглашается, как пожилой капитан, со словами молодого лейтенанта. Явно иронизируя (каламбурная игра с глагольной формой *допущена*) над своим спутником (см. ответ Мирры на замечание Плужникова о том, что она допущена к секретной работе: — *Я к супам допущена*), героиня открывает ему глаза на реалии настоящего:

— ...Вам приятно считать других дураками? Ну, считайте себе. Но если вы хоть раз подумаете, что за кордоном не такие уж дураки, так лучше сразу бегите в лавочку и покупайте спички на всю зарплату.

Именно Мирра, привыкшая *чистить* овощи для супа (см. ниже значение 2 дефиниции глагола), становится, по воле писателя, тем человеком, который *чистит* от пыли не только одежду упавшего на ровном месте героя (значение 1), но и его сознание (значение 3) (ср. полушутливое замечание Мирры: — *Вас сначала почистить надо, выбить и выколотить*, — которое в контексте произведения приобретает двоякий смысл: необходимо освободить, очистить героя от наносной пыли/шелухи легковерия). Вновь происходит семантическое расширение глагола, совмещающего в своем значении внешний и внутренний параметры:

1. (св. вычистить). Удаляя грязь, пыль, ржавчину, окислы и т. п. с кого-, чего-л., делать чистым; очищать. Ч. зубы. Ч. ковер пылесосом.

Ч. щеткой платье. Ч. коня... (также: шутл.; приводить себя в порядок; прихорашиваться; о человеке).

2. (св. очистить). Приготовляя в пищу, освобождать от верхнего слоя, кожуры, чешуи и т. п. Ч. апельсины. Ч. ягоды и грибы. Ч. картошку в суп...

3. (св. очистить). Освобождать от чего-л. накопившегося, засоряющего, чуждого, вредного и т. п. Ч. квартиру... Ч. репертуар...⁶.

И не случайно именно Мирра спасает Николая Плужникова от самосуда-самоубийства, заставляя поверить в себя и в необходимость продолжать сопротивление и держать оборону крепости.

Однако в первые дни войны герой не способен взять на себя командование и самостоятельно нести ответственность за принятые решения. Он уверен, что дежурный по КПП должен объяснить ему, *куда теперь являться*; Плужников понимает, что *никакой он не командир, что все вопросы за него решает сержант либо этот смуглый пограничник...*; герой убежден, что *свои вот-вот придут, и все образуется само собой...*

Неоднократно повторяя в тексте однотипные ситуации, Б. Васильев акцентирует внимание на значимых и незначительных, на первый взгляд, бытовых мелочах, отношении персонажей к которым выполняется в тексте художественного произведения характерологическую функцию. Так, на протяжении романа постепенно меняется отношение главного героя к приказам. В первые дни войны для лейтенанта Николая Плужникова действует закон: приказы не обсуждают, приказы выполняют. Именно об этом его спор с Денищиком, который не хочет быть пешкой, но *понимать должен, для какой стратегии он тут по кирпичам ползает*. И фельдшера приказ уходить из крепости уже не касается, потому что он *сам себе пострашнее приказ отдал*. Для молодого же лейтенанта трусливое бегство с позиции, которую было приказано *держат* во что бы то ни стало, равносильно предательству. И только выполнение

приказа старшего лейтенанта — искупление вины — возвращает Николаю Плужникову право на командование:

— Проверь подвалы и поставь у выхода часового, — сказал Плужников и сам удивился, до чего просто прозвучала команда: вчера еще он не умел так разговаривать.

Отношение героя к воде также становится важным средством, с помощью которого Б. Васильев показывает перерождение неопытного Коли Плужникова в русского солдата. Если в первые дни войны, помня совет политрука беречь воду, он не смог *оторваться от фляжки и отдал ее, когда осталось на доньшке*, то, осознав ответственность за вверенных ему подопечных, Плужников сам себе отдает приказ: — *Не надо больше пить...* — и выполняет его. И позже, когда уже был потерян счет дням и ночам войны, он *мучительно хотел пить и мучительно сознавал, что на эту воду он не имеет права*, потому что она нужна раненым. Повтор наречия со значением негативно-оценочной характеристики подчеркивает тяжесть физических и нравственных страданий героя. Так детская инфантильность (*оторваться... не смог* — удовлетворение своих потребностей) сменяется умением подчиняться приказу и перерастает в способность быть в ответе за других (*не имеет права*).

Переоценка ценностей в сознании Николая Плужникова происходит постепенно. В первые часы и дни обороны Брестской крепости герой, несмотря на страх и боль, воспринимает военные действия несколько отстраненно и думает не о реалиях, а о том, как он в мирной жизни будет рассказывать о своих подвигах. Но после многочисленных боев, *постоянного голода, жажды, недосыпания и липкого трупного запаха* он привык думать *только о том, как отбить атаку, как достать воду, патроны, еду, и уже разучился вспоминать что-либо*.

Важную роль в выражении сущности и трансформации персонажа играет система номинаций. Полное имя героя — *Николай Петрович Плужников*. Личное имя *Николай* восходит к древнегреческому Νικόλαος (от νικάω — побеждать и λαός — народ) и переводится как «победитель

⁶ Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: <http://slovariki.org/tolkovyyj-slovar-kuznecova/74004?ysclid=lov553w9w196818998> (дата обращения: 05.11.2023).

народов»⁷. Отчество также имеет древнегреческое происхождение (др.-греч. Πέτρος — камень, скала) и подчеркивает твердость характера и крепость духа героя (именно таким должен быть русский солдат!). Фамилия *Плужников* этимологически связана со словами *плужник*, *плуг*, т. е. указывает на связь персонажа с землей, которую его предки возделывали, а герой Б. Васильева призван защищать.

Однако полное имя главного действующего лица романа в тексте встречается только один раз, в начале произведения, и включено в несобственно-прямую речь самого персонажа, т. е. выступает средством самолюбования героя, которого захлестнула волна приятных неожиданностей. Единичность употребления полного имени главного героя обусловлена тем, что автору важно не показать зрелого сознательного воина на передовой, а проследить путь становления русского солдата.

Значимый прием передачи взросления героя — система номинаций персонажа, претерпевающих количественные сдвиги по мере развития действия в произведении. Роман состоит из пяти частей, разбитых на главы, и эпилога. В процессе анализа романа нами были выделены следующие имена собственные: *Коля* — *Коля Плужников* — *Николай* — *Плужников* — и апеллятив *лейтенант*, наиболее ярко раскрывающие поведение и характер главного героя.

Частотность употребления той или иной номинации является, как правило, одним из главных показателей ее значимости в контексте произведения. Резкое количественное сокращение именования *Коля* во второй и третьей частях романа (с 259 до 6 и 4 соответственно) и сведение его к нулю в дальнейшем — свидетельство кардинального перелома в судьбе героя. Если в начале текста перед читателем предстает «зеленый» лейтенант, мечтающий о службе на границе и плохо разбирающийся

в складывающейся в стране ситуации, то во второй части романа мы видим вдруг повзрослевшего солдата, пусть еще не командира, но человека, оказавшегося на войне, где рвутся снаряды, рушатся стены и погибает все живое. Именно поэтому на смену по-детски наивной номинации приходит фамильное именование *Плужников* (289 употреблений в ч. 2; 112 — в ч. 3; 97 — в ч. 4). Практически до конца романа фамильное имя главного персонажа остается наиболее частотным. Начиная с четвертой части, другие имена собственные исчезают из числа его номинаций, потому что происходит перерождение Николая Плужникова в русского солдата (в пятой части и эпилоге превалирует безликое и одновременно всеобъемлющее местоимение *он*) — одного из многих, известных и безымянных, павших в боях за Родину.

Своеобразной перифрастической номинацией Николая Плужникова можно считать словосочетание, вынесенное в заглавие произведения. Занимая ключевую позицию в тексте, именование-перифраза устанавливает пространственно-временную веху в жизни героя романа. Фраза «В списках не значился» неоднократно повторяется в тексте, отражая разное отношение персонажа к обозначенному в ней хронотопу. По дороге в Брестскую крепость в ночь перед войной герой с *удовольствием подумал, что и ему пока некуда спешить, потому что в списках он еще не значится*, — возникает чувство независимости, ощущение свободы. Неопределенность положения героя подчеркнута его ответом на вопрос Анны Петровны:

— Какого полка, товарищ лейтенант?

— Я в списках еще не значусь, — солидно сказал Коля. — Только что прибыл...

В заключительных строках первой части романа данное словосочетание-перифраза повторяется дважды, обозначая не только начало военных действий, но и поворот в сознании Николая Плужникова, который *в полк должен*.

Наименованием-символом главного героя выступает в тексте романа и устойчивое сочетание-номинация *Красная армия*. Два персонажа присваивают Николаю Плужникову это многозначное имя-характеристику — предатель Федорчук и Мирра.

⁷ Ср.: **Никола́й*** рус. [из греч. Nikolaos: níkaō побеждать + laos народ; лат. Nicolaus]... (Современный онлайн-словарь личных имен А. В. Суперанской [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/onomastics/superanskaya/%D0%BD/%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9?ysclid=loy0d6f2xf307998401>) (дата обращения: 05.11.2023).

В момент молодости героя, когда тот считал долги погибшим за него, Федорчук убежден: *Кончился паренек*; и далее Мирре: *Вот она, твоя Красная армия: без памяти лежит. Все! Поражение ей!..* В данном устойчивом сочетании объединяются разные семы: во-первых, реализуется его основное значение — официальное название Вооруженных сил нашей страны в период с 1918 по 1946 г.; во-вторых, это номинация персонажа, который, как и советские войска в первые дни войны, сломен в результате яростного натиска врага (лейтенант Плужников — один из ее бойцов). Но в устах любящей Мирры символическое имя приобретает положительную коннотацию, потому что верит девушка в силу героя и Красной армии и в их способность продолжать борьбу с врагом:

— Ты — Красная армия, — сказала она. — Ты — моя Красная армия...

...Оказывается, кто-то нуждался в нем, кому-то он был еще нужен. Нужен как защитник, как друг, как товарищ.

Повтор структурно разных лексических единиц, усиленный градационным рядом контекстуальных синонимов, содержащих семы 'связь с кем-, чем-либо', 'долг перед кем-, чем-либо', становятся средством, с помощью которого автор показывает возвращение героя к жизни и борьбе.

Оппозиция *жизнь—смерть* неизбежно присутствует в любом романе о войне. У Б. Васильева она становится одним из средств создания образа русского солдата. Писатель неоднократно обращается к теме смерти на войне, утверждая, что жизнь у бойцов *единая*, а *смерть у каждого была своя*. Эта фраза заканчивает главу 1 и начинает главу 2 второй части произведения, что свидетельствует о ее особой значимости для автора (двойная ключевая позиция в тексте!). Предикаты вступают в отношения контекстуальной антонимии, стирая различия между бойцами, командирами и подчиненными, и одновременно подчеркивают значимость каждого солдата на войне. На протяжении романа Б. Васильев будет не раз показывать, как погибают его герои. Но каждый из них верил, что смерть обойдет его стороной (вспомним удивленно-восторженное восклицание Сальникова *Повезло!*). В лейтенанте Плужникове также живет *внутренняя*

убежденность, что его... невозможно, немисливо убить... он твердо верил в собственное бессмертие. Впервые столкнувшись с реально приближившейся смертельной опасностью, герой лишается сил и ощущает только *липкий, черный, лишающий рассудка страх*. Страх смерти оказывается сильнее чувства долга. Б. Васильев использует определения-эпитеты, чтобы охарактеризовать состояние героя: закрытый руками *беззащитный затылок* — свидетельство беспомощности персонажа перед врагом (на это указывает семантика эпитета и главное слово в словосочетании: герой убегает от немцев); выражение *яростно хотел жить* включает в свой состав наречие, содержащее сему 'чрезмерность в проявлении', что подчеркивает пограничное состояние персонажа. Отсюда и попытки понять причины трусости:

«Нет, я струсил не сейчас, — думал он. — Я струсил во вчерашней атаке. После нее я потерял себя, упустил из рук командование. Я думал о том, что буду рассказывать. Не о том, как буду воевать, а что буду рассказывать...»;

и странный страх перед словом *убьют*:

Он почему-то упорно избегал слова «убьют», а говорил — «умру». Словно надеялся погибнуть от простуды.

Глагольные лексемы, выражающие в языке причинно-следственные отношения (*убьют → умру*), вступают в контексте произведения в отношения антонимии, поскольку олицетворяют противостоящие сущности — войну и мир.

Однако отношение героя к смерти постепенно меняется, и «безотчетный страх» смерти покидает его, потому что, *вернувшись к себе*, Николай Плужников понимает, что защитники Брестской крепости мертвые бой ведут, *давно уж сто раз убитые немцев руками голыми* душат. К герою приходит осознание того, что «убить» и «победить» — не равнозначные понятия, *потому что человека нельзя победить, если он этого не хочет. Убить можно, а победить нельзя*. Сопоставительная синтаксическая конструкция, включающая модальные слова-антонимы, приобретает дополнительное значение противопоставления, которое распространяется на инфинитивы, преобразуя их из контекстуальных синонимов в контекстуальные антонимы.

Преодоление страха перед немцами рождает у Николая Плужникова ощущение физического роста: — *Либо я вырос, либо немцы съезжались...* Б. Васильев противопоставляет предательство беззаветному служению Родине с помощью оппозиции *верх—низ* (подземелье — свет, солнце). Так, Федорчук заваливает вход в подземелье камнями — умирающий Денишик просит вывести его ко входу, чтобы увидеть солнце. И тетя Христя, чувствуя близкую смерть, надеется умереть *там, наверху, и непременно при солнце*.

Б. Васильев рисует образ *подневольного* человека в плену. Кадровый лейтенант Красной армии Плужников отделен от советских, но уже не своих *зловещим словом «ПЛЕН»*, который превращает *вчерашних активных бойцов в тупых исполнителей, уже не мечтающих о свободе и оружии*. Писатель вводит новые оценки-характеристики для человека на войне: *пленный — подневольный — тупой исполнитель — не свой — мертвый — бывший; убитый — несдавшийся — непокоренный — человек: Человек выше смерти. Выше.*

Неразрывно связана с оппозицией *жизнь—смерть* антиномия *сиюминутное—вечное*. В конце первой части романа автор пишет: *трое молодых военных шагнули в самую короткую ночь, как в вечность; поговорука Утро вечера мудренее...* в устах старшины на контрольно-пропускном пункте Брестской крепости вступает в противоречие с грозной реальностью: *утром была война...* Часы, которые Коле Плужникову настоятельно рекомендуют приобрести перед началом войны, — своеобразная материализация и символическое выражение времени в романе. Герой так и не покупает часы и, как следствие, почти на год утрачивает восприятие времени (*...вчера уже прошло, а завтра снова начнется война*; автор противопоставляет прошлое и будущее, опуская настоящее — время словно остановилось, потому что вокруг царит смерть) и, как бы это странно ни звучало, пространства: герой не ориентируется в Брестской крепости, ни на поверхности, ни в подземелье.

В тексте романа возникает и функционирует своеобразная оппозиция *слепота—прозрение*. Писатель показывает разные эпизоды войны, которые влияют на постепенную утрату зрения главным героем:

...по глазам ослепительно ударила вспышка... Плужников ничком упал на землю, в ужасе щупая глаза: ему показалось, что они вытекли, потому что он сразу перестал видеть;

...открыл забитые пылью глаза;

...— Я стал плохо видеть на свету...;

...смотрел на солнце ослепшими глазами.

При этом в процессе становления Николая Плужникова как русского солдата на фоне физической слепоты происходит его нравственное прозрение. Умирающее тело укрепляет волю бойца Красной армии. Фразеологизм из тропаря *Смертию смерть поправ* приобретает в контексте романа более широкий, чем религиозный — победа духа над смертью, — смысл. Приказ старшины Семишного *Не позволяй убивать себя раньше, чем умрешь* перерастает в наказ не запятнать честь Родины. Зная полка, принятое Николаем Плужниковым, помогает ему отказаться от своего «я» и ощутить *нечто большее: свою личность*, стать прочным и вечным звеном в единой цепи времени. Так рождается непокоренный сын непокоренной Родины... Не случаен повтор определения-характеристики: герой не сдался, не сломлен, не отдал! Он — последняя капля крови, которой истекла непокорившаяся Брестская крепость. Герой — русский солдат — *выше всех мыслимых почестей, выше славы, выше жизни и выше смерти*, потому что он остался Человеком, умер *свободным и после жизни, смертью смерть поправ*.

Выводы. Таким образом, в романе «В списках не значился» Б. Л. Васильев рисует трудный путь становления бойца Красной армии, защитника Родины. Писатель использует разные художественные приемы для передачи этапов формирования личности русского солдата. В ходе лингвостилистического анализа текста произведения были выделены следующие языковые средства, которые помогают автору воссоздать картины военных действий и поведения человека в трагический для страны период:

1) повтор на разных уровнях языка (ситуативный, фразовый, лексический, морфемный);

2) трансформация семантики лексических единиц под влиянием контекста;

3) система номинаций главного героя произведения, частотность употребления наименований персонажа;

4) детали, отражающие происходящие в сознании героя перемены;

5) оппозиции, выполняющие структурно-характерологическую функцию в раскрытии образа Николая Плужникова.

Данный анализ нельзя признать исчерпывающим, в статье затронуты только некоторые аспекты содержания и специфики языковых средств произведения. Но рассмотренные приемы использования средств выразительности свидетельствуют о высоком уровне художественного мастерства Б. Л. Васильева, который, не придерживаясь строгого документализма при восстановлении событий обороны Брестской крепости, сумел показать процесс рождения героя.

По словам самого писателя, «реально воссоздать правду о войне можно настолько, насколько возможно объять необъятное» [Васильев 1993, 21 янв.]. Однако, по определению Д. С. Мережковского, «легенда — не история, но иногда за ней высшая правда истории» [Мережковский 1915: 136].

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Б. В гостях у «Смоленских новостей» // Смоленские новости. 1993. 21 янв.
2. Карнюшин В. А. Последние залпы. Литература о войне: взгляд на «уходящую тему»: Борис Васильев, Виктор Астафьев, Василь Быков, Георгий Владимов, Олег Ермаков... М.: [б. и.], 2014. 159 с.
3. Кузнецов Ф. Ф. За все в ответе: нравственные искания в современной прозе и методология критики. 3-е изд., доп. М.: Советская Россия, 1984. 588 с.
4. Ланищев А. П. Возраст судьбы: сб. статей. М.: Современник, 1985. 365 с.
5. Мережковский Д. С. ...Было и будет: дневник. 1910—1914. Петроград: Т-во И. Д. Сытина, 1915. 63 с.

6. Нуйкин П. Кто же он, Борис Васильев? Что и почему из его наследия не проходят в школе. 20.05.2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/kto-zhe-on-boris-vasilev-chto-i-pochemu-iz-ego-naslediya-ne-prokhodyat-v-shkole.html?ysclid=lo17gssf9n132935960> (дата обращения: 05.11.2023).

7. Чалмаев В. А. На войне остаться человеком. Фронтовые страницы русской прозы 60—90-х годов: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. 120 с.

REFERENCES

1. Vasilyev B. As a guest of "Smolensk News". *Smolensk News* = *Smolensk News*. 1993, January 21. (In Russ.)
2. Karyushin V. A. The final shots. Literature about the war: a look at the "passing theme": Boris Vasilyev, Viktor Astafyev, Vasil Bykov, Georgy Vladimov, Oleg Ermakov... Moscow: [s. n.], 2014. 159 p. (In Russ.)
3. Kuznetsov F. F. Responsible for everything: moral quests in contemporary prose and the methodology of criticism. 3rd ed., enlarged. Moscow: Soviet Russia, 1984. 588 p. (In Russ.)
4. Lanchikov A. P. Age of destiny: collection of articles. Moscow: Contemporary, 1985. 365 p. (In Russ.)
5. Merezhkovsky D. S. ...Was and will be: a diary. 1910—1914. Petrograd: I. D. Sytin's Partnership, 1915. 63 p. (In Russ.)
6. Nuykin P. Who is he, Boris Vasilyev? Which of his works are not taught in school and why? [Electronic resource]. URL: <https://www.sb.by/articles/kto-zhe-on-boris-vasilev-chto-i-pochemu-iz-ego-naslediya-ne-prokhodyat-v-shkole.html> (accessed: 05.11.2023). (In Russ.)
7. Chalmaev V. A. At war, to remain a human being. Front pages of Russian prose of the 1960—90s: in assistance to teachers, high school students and applicants. Moscow: MSU Press, 1998. 120 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент, редактор

Elena A. Frolova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Editor

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 23.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.